

Глава 1. ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВОЙНА

Вся история человечества неразрывно связана с войнами. Воевали древние племена и государства, средневековые королевства и республики, огромные империи и небольшие княжества. Сражались за рабов и золото, территории и власть, короны и веру, славу и Гроб Господень. Просто так, наконец. Чтобы разогнать кровь в жилах. Правители видели в войнах источник обогащения и путь к величию, простолюдины — неизбежное зло. Но и те и другие воспринимали войны как одно из естественных состояний общества, обусловленное агрессивной стороной человеческой сущности. Понятие «справедливая война» обрело некую форму всеобщности лишь в новейшее время и было связано с развитием правовой мысли, но даже в наши дни оно во многих случаях носит спекулятивный характер и зависит от интерпретации событий. В Средние века никаких общепринятых критериев на этот счет не было. Любая война была справедливой уже хотя бы потому, что так заявлял правитель, придумывавший для нее обоснованный повод.

Обычным делом в Средние века считалось использование в войнах иностранных наемников. Образовалась целая каста людей, бродивших по Европе и предлагавших свои услуги разным правителям. Как правило, это был уголовный сброд, имевший в родных землях проблемы с законом. Профессиональных армий до конца XVII века в Европе практически не было, а отрывать от работы крестьян было накладно. Во-первых, они были важным источником доходов, а во-вторых, их надо было обучать. И даже после этого они, как правило, воевали плохо и могли при случае сдаться в плен или просто разбежаться. Впрочем, с наемниками тоже были проблемы. Поучая тосканских герцогов, Макиавелли с грустью отмечал, что «люди, большие или ничтожные, занимающиеся войной как ремеслом,

могут быть только дурными, так как ремесло это в мирное время прокормить их не может. Поэтому они вынуждены или стремиться к тому, чтобы мира не было, или так наживаться во время войны, чтобы они могли быть сыты, когда наступит мир»¹. Но уже в конце Средних веков передовые мыслители понимали, что «войско необходимо государству, и, если у него нет своей военной силы, оно нанимает чужеземцев, чужеземные же войска вреднее для общественного блага, чем свои, ибо их проще подкупить, и честолюбец скорее может на них опереться»².

С образованием национальных государств профессиональные армии становились в Европе обычным делом. Исключением оставалась только Англия, где такая армия возникла лишь в середине XIX века. У островной Британии был сильный флот, и долгое время она считала, что ей этого вполне достаточно. Вместе с новыми армиями появились военные училища, специалисты, преподававшие в них военную науку, люди, делавшие военную карьеру в обществе. Теперь во главе армий далеко не всегда оказывались титулованные аристократы. На военной службе вполне могли отличиться выходцы из нижних слоев общества, которые, благодаря упорству и талантам, продвигались до самых вершин. В конце XVIII — начале XIX века появляются первые военные теории, комплексно осмысливавшие военное искусство. Это были уже не средневековые поучения о безнравственности войны или советы по тактическому построению войска. Новые теории всесторонне рассматривали место армии и военных действий в жизни государства. Так сложилось, что военная мысль получила сильное развитие в Германии, и именно ее военные теоретики и учителя добились наибольшего признания в Европе. Хотя на практике и Суворов, и Наполеон всегда били прусские и австрийские армии.

Классическим представителем немецкой военной мысли считался Карл фон Клаузевиц, прусский офицер, несколько лет прошедший на русской службе. Клаузевиц участвовал в Бородинском сражении и в битве при Ватерлоо, был отмечен за храбрость Александром I, но остался в истории как автор классического труда «О войне», по которому на протяжении ста лет учились штабисты многих стран мира. Весь XVIII век прошел в европейских войнах. Начавшись с Северной войны и войны за испанское наследство,

он завершился под канонаду войн революционной, а затем и наполеоновской Франции. Наполеоновские войны плавно перешли в XIX век. У Клаузевица имелся богатый материал для размышлений. Он видел, что война не является изолированным актом, «возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью»³. А когда, рано или поздно, война заканчивается, то «даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями»⁴. А потому, делал вывод Клаузевиц, «война есть продолжение политики, только иными средствами», она есть «орудие политики», которая «будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние»⁵. Иными словами, война является *составной частью единого политического процесса*. А если так, то она вполне может быть заменена другими, менее накладными способами достижения целей в рамках того же политического процесса.

Это были неожиданные и смелые мысли для военного человека конца наполеоновской эпохи. Но надо помнить, что Клаузевиц слушал лекции Кизеветтера, ученика Иммануила Канта. А Кант был известен не только «Критикой чистого разума», но и общественно-политическим трактатом «К вечному миру» (1795 год), который был популярен в либеральных кругах начала XIX века. Именно Канту принадлежала идея создания наднационального союза или федерации народов, ставшая первым прообразом будущей Лиги Наций. Еще в 1784 году Кант писал, что пребывавшие в состоянии постоянных войн европейские государства придут «в конце концов после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов, от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли»⁶. Философское обоснование Кан-

та, теория войн Клаузевица и окончание наполеоновской эпохи, когда государства победители собрались вместе, чтобы определить будущее устройство Европы, положили начало перелому во взглядах европейцев на войны.

В 1815 году родился «европейский концерт», пытавшийся убрать войны из европейской политической практики и стать коллективным вершителем судеб Европы в XIX веке. Венский конгресс, который проходил с сентября 1814 года по июнь 1815 года, стал дебютным исполнением «европейского концерта» и сделал первый шаг к созданию контролируемой системы международных отношений. Он собрался для того, чтобы разобраться с наследием наполеоновских войн, и рассматривал многие вопросы, связанные с изменением государственных границ, лишением корон и созданием новых образований, упорядочиванием дипломатических представительств и даже запрещением работорговли. В этих своих непосредственных задачах конгресс допустил «самые чудовищные насилия как по отношению к королям, так и по отношению к народам», и создал причины многих конфликтов будущего⁷. Но его главное значение оказалось в другом. Венский конгресс образовал неформальное лидерство ведущих европейских держав, которые стали коллективно решать вопросы, иногда не имевшие даже прямого отношения к одной или нескольким из них. Эти державы после Венского конгресса стали именоваться «великими», а их коллективное взаимодействие — «европейским концертом».

Представитель Англии на Венском конгрессе лорд Каслри считал, что его решения обеспечат мир в Европе минимум на семь лет⁸. Он ошибся. Венская система международных отношений сохраняла мир почти сорок лет, а просуществовала практически целый век — вплоть до Первой мировой войны. Венский конгресс начинался с намерения четверного союза разобраться с поверженной Францией и европейским наследием Наполеона. Но благодаря собственным противоречиям и дипломатическому таланту Талейрана конгресс уже в процессе своей работы превратился в собрание пяти великих держав и множества второстепенных. К России, Англии, Австрии и Пруссии добавилась реабилитированная Талейраном Франция. С тех пор и до начала Первой мировой войны в «европейском концерте» произошло только одно изменение — в сонм «великих»

во второй половине XIX века была допущена объединенная Италия. Формально этот новый европейский клуб никак оформлен не был, но боязнь выпадения из числа «великих держав» воспринималась каждой из них как угроза национальной безопасности.

Первоначально европейский концерт носил все внешние признаки монархического объединения, и многие считали, что борьба с либерализмом и революциями станет едва ли не главной его задачей. Особенно после провозглашения мистического Священного союза. Однако быстро выяснилось, что «коварный византиец» Александр I имел совсем иные намерения, чем те, что ему приписывались. Александру нужна была послушная Европа, чтобы вернуться к решению унаследованного им от бабки восточного вопроса. Он не успел решить его перед войной с Наполеоном, и вот теперь появлялась возможность на гребне успеха осуществить старые планы расчленения Османской империи и завладения черноморскими проливами. Планы Александра относительно Турции стали окончательно ясны после появления меморандума Нессельроде. Чтобы не запутывать ситуацию и не подрывать создаваемый европейский баланс, империю османов пришлось исключить из числа подписантов Венского трактата⁹. В 1815 году Ближний Восток не был включен в систему общеевропейского урегулирования. Дипломатия великих держав предпочла отложить острый вопрос, чтобы снова не браться за оружие. Понадобилось еще несколько десятилетий, Крымская война и Парижский мир, чтобы на Берлинском конгрессе 1878 года Турция стала частью европейской системы безопасности.

Современники не зря называли Александра «византийцем». В искусстве политической интриги он вполне мог соперничать с Талейраном и Меттернихом. Ему недоставало лишь их твердости и последовательности. Царь не любил воевать и никогда не питал к военным того пиетета, которым отличался его отец. Александр отдавал явное предпочтение дипломатам. Будь на его месте в то время Павел I или Николай I, новой войны в Европе было бы не избежать, а «европейский концерт» умер бы, едва родившись.

В первые несколько лет существования новых европейских реалей Александр разыгрывал тонкие шахматные партии с отвлекающими, как положено, маневрами и жертвами фигур. Он мог пожертвовать в эти годы и спокойствием Европы, и даже принципом

самодержавной власти. Единственное, чего царь не мог допустить, это новой европейской войны. Эмиссары царя колесили по югу Европы, подталкивая Грецию к восстанию, а итальянские государства — к борьбе за конституционные свободы. У Австрии должна была появиться собственная головная боль, чтобы она меньше отвлекалась на турецкие планы Александра. Заодно царь поддерживал конституционные инициативы ряда германских княжеств, тех, с которыми был связан родственными узами. Этим он создавал заботу не только императору Францу I, но и прусскому королю Фридриху Вильгельму III. Трудно представить, но русский царь после победы над Наполеоном стал едва ли не главной надеждой европейских либералов. Впрочем, скоро либеральные увлечения Александра I закончились, а Священный союз превратился, как от него и ожидали, в борца с европейскими революциями. Декларация, подписанная монархами России, Австрии и Пруссии на конгрессе в Троппау (ноябрь 1820 года), гласила, что союзники будут бороться с восстаниями и революциями в Европе, противопоставляя им «сначала дружественные меры, а затем принудительную силу, поскольку применение таковой будет неизбежным»¹⁰. Это был триумф австрийской политики. Меттерних все же имел право хвастливо заявлять, что он дал мир Европе на целых тридцать три года¹¹, хотя первоначально обозвал Священный союз «громко прозвучавшим пустым звуком»¹².

Механизм консультаций великих держав исправно работал почти сто лет, вплоть до августа 1914 года. За этот период в Европе состоялись три больших конгресса — Парижский (1856), Лондонский (1871) и Берлинский (1878) и множество менее значимых конференций — в Аахене (1818), Карлсбаде (1819), Троппау (1820), Лайбахе (1821), Вероне (1822) и т. д. Иногда современные исследователи ставят на этом точку, хронологически четко определяя период конгрессов в истории европейской дипломатии, как длившийся с 1815 по 1823 год (включая планировавшийся, но не состоявшийся конгресс)¹³. Они выделяют этот период в особую систему европейской безопасности, которая, хоть и оказала огромное влияние на развитие системы международных отношений всего XIX века, все равно стоит отдельно. Действительно, следующего крупного конгресса пришлось ждать целых тридцать четыре года. Но Париж-

ский конгресс 1856 года явился историческим порождением постнаполеоновских конгрессов, которые явились для него *прецедентом*. На тех первых европейских конгрессах была выработана особая система решения международных вопросов, которая продержалась без изменений вплоть до Первой мировой войны. Вот почему весь период с 1815 по 1914 год, с точки зрения существовавшей в течение него системы международных отношений, лучше рассматривать как единый, определяющими чертами которого было наличие «великих держав» и «европейского концерта» как особого механизма европейских консультаций.

Целью всех дипломатических собраний великих держав, состоявшихся за это время, было поддержание баланса сил и основанно на нем компромисса между ними. Великие державы стремились найти решения своих противоречий не силой оружия, а искусством дипломатии. До Берлинского конгресса 1878 года механизм консультаций дал сбой всего два раза. Катастрофические ошибки Николая I и плохо подготовленная попытка России решить восточный вопрос в свою пользу окончились ее поражением в Крымской войне (1854–1856). Вторым случаем стала франко-прусская война 1870–1871 годов. Здесь механизм европейских консультаций оказался бессилен. Обе стороны хотели войны, и они ее получили. Еще в двух случаях, когда в Европе полыхал пожар, речь шла об объединительных войнах. Итальянское Рисорджименто и борьба Пруссии с Данией и Австрией за объединение германского мира, привели к образованию крупных национальных государств — Италии и Германии. Больше серьезных войн в Европе до балканских событий 1912–1913 годов не было. Войны постепенно вытеснялись из Европы и перемещались на другие континенты, где в XIX веке развернулась борьба за колонии. Но и там не доходило до прямого столкновения между великими державами.

По сравнению с непрерывно воевавшим XVIII веком это был большой прогресс. За сто лет, прошедших между Венским конгрессом и началом Первой мировой войны, военные действия в Европе длились в общей сложности менее девяти лет. Точное число погибших в этих войнах подсчитать невозможно, но по разным оценкам, прямые военные потери составили от пятисот до шестисот тысяч человек¹⁴. Это огромная цифра, но она не идет ни в какое сравнение

с несколькими миллионами жизней, унесенных войнами восемнадцатого столетия. А ведь в XIX веке и оружие стало гораздо совершеннее. С 1871 по 1912 год Европа не знала войн вообще (за исключением малокровной двухнедельной сербско-болгарской войны в ноябре 1885 года). Эта статистика не включает в себя войны Османской империи (с Россией, Грецией, Италией), но Блистательная Порта не рассматривалась в Европе XIX века как европейское государство. Она не участвовала в качестве полноправного члена в большинстве европейских конгрессов и не считалась «великой державой», хотя играла важнейшую роль в геополитических планах всех без исключения великих европейских держав. Приходившая в упадок на протяжении всего столетия Османская империя играла в европейской политике XIX века роль, скорее, объекта, чем субъекта международных отношений. Пренебрежение дорого обошлось Европе. Нерешенность восточного вопроса явилась одной из главных причин возникновения Первой мировой войны.

На протяжении XIX века произошли существенные изменения в большинстве европейских армий. Профессиональными они стали веком ранее, а теперь одна за другой переходили с рекрутских наборов к всеобщей воинской обязанности и армейским призывам. Первые попытки в этом направлении предпринимал еще Наполеон, но у него получилась скорее «воюющая нация». В современном понимании этих принципов комплектования армии, первой, еще в начале века, провела реорганизацию своих вооруженных сил Пруссия. Законченную форму прусская система приобрела уже в германской имперской армии в 70-е годы XIX века. Все лица, достигшие двадцатилетнего возраста, подлежали призыву на трехлетнюю воинскую службу. По ее окончании они увольнялись в запас и переводились в ландвер (*Landwehr*), где числились до тридцати двух лет. Из ландвера они периодически призывались на учебные сборы, а по достижении предельного возраста переходили в ополчение (*Landsturm*), где находились до сорока двух лет. Такая система при сохранении относительно немногочисленной регулярной армии позволяла при необходимости «поставить под ружье» большое количество прошедших воинскую подготовку людей. Правда, на практике добиться полного призыва никогда не удавалось. Кроме предусмотренных законом случаев освобождения от воинской повинности были и дру-

гие ограничения, например финансовые. Армейские бюджеты, утверждавшиеся рейхстагом, не всегда позволяли набирать в армию всех лиц, подлежащих призыву. Поэтому многие ограничивались ландвером и ландштурмом. К 1914 году из 10,4 млн человек в возрасте от 20 до 45 лет 5,4 млн не прошли срочную воинскую службу¹⁵.

Схожая система была принята в 1868 году в Австрии. В республиканской Франции закон об обязательной воинской службе всех лиц призывного возраста был принят в 1872 году. Изначально французы призывались на пять лет, но потом этот срок несколько раз менялся. В 1914 году Третья Республика, несмотря на существенно меньшее, чем в Германии население, смогла выставить армию почти вдвое больше немецкой. В России реформы, проведенные в 1873 году военным министром Д. А. Милютиным, также ввели вместо рекрутского набора всеобщую воинскую повинность. Все призывное население страны должно было служить шесть лет в строю, а затем еще девять лет числиться в ополчении. До начала мировой войны эти сроки также менялись несколько раз (перед войной они были соответственно три и семь лет). Накануне мировой войны лучше всех дела с призывом обстояли у Франции. В 1906 году она призвала на воинскую службу 0,75 % от общего населения страны. Для сравнения: Германия — 0,47 %, Россия — 0,35 %, Австро-Венгрия — 0,29 %¹⁶.

Во второй половине XIX века коренным образом изменилось не только построение армии, но и ее возможности. Перемены стали следствием технической революции середины XIX века. Стремительный скачок в росте протяженности железных дорог привел к изменению взглядов на военные доктрины ведущих европейских государств. Значительно сократились сроки развертывания армий, и повысилась их мобильность. Теперь можно было при необходимости быстро перебрасывать войска с одного фронта на другой. Это было особенно важно для Германии, которой приходилось считаться с возможностью войны на разных фронтах, и для России, огромная территория которой не позволяла провести мобилизацию в сжатые сроки. В Германии впервые появились многопутейные железные дороги, насчитывавшие четыре ветки и более. Соответственно развивалась и вся сопутствовавшая структура — локомотивы, стрелки, семафоры и т. д. То, как Пруссия использовала железные дороги

в войнах 1860-х годов с Данией и Австрией, поразило европейцев. Железные дороги вместе с количеством подвижных составов стали считаться стратегическим военным ресурсом государств. Их общая протяженность и направленность во многом определяли успех в будущей войне.

Еще более впечатляюще развивались вооружения. Настоящий прорыв случился в снаряжении пехоты. На протяжении полутора веков, вплоть до середины XIX века, основным оружием пехотинцев были мушкеты, заряжавшиеся со ствола. С шестидесятых годов XIX века армии всех ведущих стран мира стали переходить на казнозарядные винтовки. Вскоре появилось многозарядное стрелковое оружие. Вместе с новыми образцами пуль это позволяло вести более дальнюю, точную и скорострельную стрельбу. В том же направлении развивалась и артиллерия. Ядра в середине столетия уступили место коническим снарядам, которые стали, как и в стрелковом оружии, заряжаться не через ствол, а через казенную часть орудия. Появились новые взрывчатые вещества и бездымные пороховые смеси. Для производства усовершенствованных вооружений начали использовать новые образцы стали. Скорострельность, дальность и бронейбойность полевой артиллерии возросли многократно.

Наконец, в 1884 году англо-американец Хайрем Максим изобрел свой знаменитый пулемет. Удивительно, но пулемет Максима почти десять лет не находил боевого применения. Поначалу его вообще не хотели брать на вооружение даже в Англии, где он был разработан и создан. Настолько смертоносным казалось новое оружие. Англичане решились впервые применить пулемет в сражении с «дикарями». Сделала это не регулярная британская армия, а наемники Сесила Родса в Южной Африке. В 1893 году в битве с южноафриканским племенем матабеле несколько «максимов» показали всему миру, на что способно автоматическое оружие со скорострельностью пятьсот выстрелов в минуту. «Матабеле не удалось подойти ближе, чем на сто ярдов, — описывал события очевидец. — Они неслись с дьявольскими воплями навстречу неминуемой смерти, поскольку “максимы” превзошли все наши ожидания и косили их буквально как траву. Я никогда не видел ничего, подобного пулеметам Максима, я даже вообразить не мог, что такое возможно: патронные

ленты расстреливались настолько быстро, насколько человек мог заряжать и стрелять»¹⁷. Через пять лет английский генерал Китчер впервые применил «максимы» в сражении регулярной английской армии с махдистскими повстанцами в Судане. В битве при Омдурмане десять тысяч англичан и египтян буквально изрешетили стотысячную армию «воинов Аллаха». К этому времени пулеметы Максима уже производились по лицензии в разных странах мира и стояли на вооружении их армий.

Однако самые революционные изменения произошли в военно-морских силах. Всего за полвека они изменили флот до неузнаваемости. В 60-е годы XIX века вместо деревянных кораблей появились цельнометаллические броненосцы. Они имели новую паровую силовую установку, винтовые двигатели и палубные орудия разного калибра. С середины 80-х годов XIX века парус остался только на королевских яхтах и тренировочных бригах, а с конца нулевых годов XX века паровые турбины постепенно прекратили работать на угле и стали переходить на нефть. В 1868 году появились первые самоходные торпеды. Их можно было запускать с небольших и недорогих катеров. В конце XIX века на вооружение ведущих флотов мира стали поступать прообразы современных подводных лодок, что создало новый класс морского оружия и принципиально расширило зону его применения.

Не успели военно-морские флоты разных держав полностью перейти на современные типы кораблей, как в 1906 году в Англии был построен принципиально новый *Dreadnought* («Неустршимый»), корабль, давший свое имя всему классу аналогичных кораблей, построенных на верфях разных стран. Еще на стадии проекта, когда первые данные о дредноуте просочились из Адмиралтейства, ежегодник боевых кораблей *Jane's* (1905) предупредил, что новый корабль «будет равен по боевой мощи двум, а вероятнее, трем любым другим кораблям, стоящим на вооружении мировых флотов»¹⁸. Так оно и случилось. Дредноут имел неоспоримое и огромное превосходство над броненосцами в скорости, мощности орудий единого калибра, концентрации и эффективности огня своей артиллерии. Любимое детище адмирала Фишера моментально обесценило все предыдущие корабельные конструкции, сделав их, по его меткому определению, «такими же устаревшими, как Ковчег»¹⁹.

Все это имело серьезные и в каком-то смысле неожиданные последствия для гонки морских вооружений. Понятно, что случившееся стало шоком для Германии. На ее верфях с 1903 года строились броненосцы класса *Deutschland*, которые должны были стать гордостью германского флота. Морской программой 1900 года было предусмотрено строительство пяти кораблей этого класса. В конечном счете, к 1908 году все пять были спущены на воду, но к моменту, когда было закончено строительство последних из них — *Schlesien* и *Schleswig-Holstein*, — вся серия безнадежно устарела. Строительство заложенного в 1906 году самого мощного на тот момент корабля новой серии — *Nassau* — пришлось приостанавливать на целый год и дорабатывать его проект, но все равно он уступал дредноуту. Но и это было еще не все. Необходимо было срочно углублять и расширять введенный в эксплуатацию всего десять лет назад Кильский канал, который не был рассчитан на корабли нового класса. В 1906 году благодаря адмиралу Фишеру и его дредноуту морская программа Германии оказалась парализованной на целых три года. Для того, чтобы наверстать упущенное, Германии надо было переходить на планы строительства минимум трех кораблей в год, что не предполагалось Законом 1900 года. Чтобы обойти его, Тирпицу пришлось выдумывать необходимость досрочной утилизации существующих кораблей, т. е. искусственно сокращать период их службы²⁰. Только в 1908 году рейхстаг принял поправки к Закону 1900 года, по сути пересматривавшие всю военно-морскую программу Германии. Теперь предполагалось ежегодно закладывать строительство четырех кораблей нового класса в период 1908–1911 годов и по два в 1912–1917 годах, чтобы затем постоянной стала норма в три корабля. Такие темпы сильно встревожили Британию, и в феврале 1912 года она попыталась договориться с Германией о сокращении ее программы, о чем пойдет речь в последующих главах.

В Англии чувство триумфа, вызванное созданием дредноута, вскоре уступило место сильной озабоченности и даже критике адмирала Фишера²¹. Парадокс ситуации состоял в том, что обесценив все крупные корабли класса эскадренных броненосцев (линкоров), числившихся во флотах мира, дредноут потенциально подорвал и могущество британского флота. Корабли, составлявшие его

гордость, в одночасье оказались оружием вчерашнего дня. Военно-морское превосходство, которого Англия ценой огромных усилий добилась в XIX веке над всеми возможными соперниками, грозило превратиться в фикцию. Гонка морских вооружений фактически стартовала заново и в какой-то мере с нуля для всех ее участников. Даже Россия, потерявшая после Цусимы статус первоклассной морской державы, получала новый шанс. «Мы потеряли то, что уже непригодно для современного боя, — успокоились в российском морском Генеральном штабе. — Другие державы, в том числе Германия, не потеряли ни одного корабля от войны, но тем не менее все их прекрасные корабли, построенные до русско-японской войны, уже мало пригодны для современного боя, и им приходится создавать эскадренные броненосцы вновь, так же, как и нам»²². Впрочем, воспользоваться открывшимися возможностями России было чрезвычайно сложно. Дело было даже не в подорванных после русско-японской войны финансах (дредноут обходился почти в два раза дороже броненосца). Российские финансы были оздоровлены на удивление всего мира очень быстро. Препятствием служила организация военной промышленности страны.

В отличие от верфей других европейских стран Балтийские и Николаевские являлись собственностью государства со всеми вытекающими отсюда издержками — изношенностью основных фондов, плохой организацией производства, повышенным бюрократизмом управления. В военном деле Россия полагалась исключительно на собственное кораблестроение, что в условиях конкуренции внутри страны приводило к завышенным расходам и срокам строительства. Время создания крупных кораблей на российских верфях были в два раза дольше, чем в Британии, Германии и Австрии, а их стоимость, несмотря на более дешевую рабочую силу, почти на треть выше²³. Но казенные верфи необходимо было содержать. Получался порочный круг. После русско-японской войны российские верфи стояли незагруженными. Разбираться с тем, что действительно нужно отечественному флоту, было некогда. Да и скрупулезно просчитывать военно-морские программы тоже никто не собирался. Получив информацию об английском дредноуте (его водоизмещение было 20 тыс. т), в российском морском ведомстве сразу решили строить корабли такого же типа в 22–

26 тыс. т, ни мало не заботясь о том, что для Балтики такие гиганты не нужны. «Нам необходимо строить теперь большие суда, — убеждал морской министр Бирилев. — Иначе все заводы у нас остановятся, чего ни в коем случае допустить нельзя»²⁴. В конечном счете, здравый смысл все-таки возобладал, и в 1907 году Россия запустила более скромную морскую программу. Однако главный недостаток военной промышленности России — ее «казенность» — сохранился до самого конца империи.

Что касается рынка вооружений в целом, то здесь господствовали германские, английские и французские *частные* производители. Рубеж XIX и XX веков был временем складывания военно-промышленных комплексов великих держав. Тон задавали немцы, а среди них безусловным лидером был Крупп. Его компании производили почти весь спектр тяжелого вооружения — броневые листы, снаряды, пушки, гаубицы, палубную артиллерию. После приобретения верфи *Germania* в Киле Крупп стал строить и военные корабли. Это было «государство в государстве», полностью находившееся в руках одной семьи. К 1914 году на заводах Круппа была занята восемьдесят одна тысяча человек. Его головное предприятие в Эссене потребляло в год столько же электричества, сколько весь Берлин, а внутризаводскими рельсами можно было уложить путь от Мюнхена до Франкфурта²⁵. Основную конкуренцию на немецком рынке Круппу составляли Эрхардт (*Rheinmetall*), а также частные верфи в Гамбурге и Штеттине. Военное и морское министерства Германии, как главные заказчики продукции ВПК, пытались играть на конкуренции военных производителей, но чаще вынуждены были помогать им. Все знали, что гражданское сталелитейное производство приносит тому же Круппу больше прибыли и имеет более обширный рынок сбыта, включая экспортный. Во время скандала, поднятого социалистами в рейхстаге по поводу «неформальных» связей военного министерства с военными производителями, военный министр Хееринген резонно объяснял, что государство зависит от поставок военных производителей, но не может полностью загрузить их заказами в мирное время. По этой причине военное производство нельзя сосредоточить на государственных предприятиях, поскольку они чаще будут простаивать²⁶.

Государство старалось помогать своему ВПК, но вынуждено было предоставлять ему относительную свободу действий. Большое количество заказов Крупп выполнял на экспорт, в том числе и для потенциальных противников Германии. Поэтому для понижения внутренних цен на продукцию военного назначения кайзер был вынужден периодически взывать к патриотическим чувствам Круппа и его коллег. Кто кем манипулировал в такой ситуации, вопрос, по крайней мере, спорный. В любом случае, категорично утверждать, что ВПК толкал Германию к войне, было бы неправильно. После ее начала тот же Крупп потерял все внешние рынки, и даже увеличившиеся военные заказы внутри страны в условиях девальвирующей марки не смогли компенсировать ему понесенные убытки. К тому же полностью нарушилась европейская кооперация, по которой Крупп, например, получал марганец и никель только из-за рубежа. То же самое можно сказать и о ведущих военных производителях других европейских стран — английских *Vickers* и *Armstrong*, французских *Schneider* и *Le Creuzot*, австрийской *Skoda*. Все они были частными компаниями (правда, в отличие от Круппа, с большим количеством акционеров) со схожими проблемами.

Завершая тему вооружений, нельзя не сказать об авиации. Этот новый вид войск появился накануне Первой мировой войны. Италия стала первой державой, применившей авиацию в Триполитанской войне 1911 года. В конце 1913 года на вооружении России находилось 400 самолетов и еще 326 было заказано. Больше всего самолетов к началу мировой войны было у Франции — 600²⁷. Она же была и крупнейшим производителем этих машин. Германия изначально ошиблась, сделав ставку на дирижабли, но в дальнейшем, благодаря своей промышленности, смогла быстро сравняться с Францией. Английская авиация на протяжении всей войны оставалась позади, не участвуя во франко-германской гонке. Авиация накануне мировой войны была, конечно, самым заметным новшеством в армиях воюющих держав, но кроме нее были и другие важные нововведения. Это и телефонная связь, и автомобильный транспорт, и железобетонные укрепления, пришедшие на смену каменно-кирпичным, и многое другое, что делало современные армии в корне отличными от тех, что существовали еще несколько десятилетий назад.

К началу XX века в успевшей отвыкнуть от войн Европе было накоплено большое количество невиданного ранее оружия, обладавшего огромной смертоносной силой. Старый Свет впервые столкнулся с масштабным проявлением нового для себя феномена — гонки вооружений. Конечно, и раньше у многих держав присутствовало желание накопить в своих арсеналах больше оружия, чем было у их потенциальных противников. Но речь всегда шла об оружии одного порядка или уровня. Если у соперника на вооружении было сто пушек, надо было сделать сто пятьдесят, чтобы вырваться вперед. На тридцать чужих кораблей ответить своими сорока. И пушки и корабли могли быть разными по мощности, но принципиально они оставались на одном уровне, и гонка вооружений могла распространяться только вширь. Во второй половине XIX века картина изменилась принципиально. Благодаря технической революции, новые виды оружия появлялись в качественно других плоскостях, каждый раз уводя гонку вооружений на новый виток спирали. Крупновские пушки, имевшие дальность стрельбы в два раза больше, чем французские, помогли Пруссии одержать верх над Францией в 1870 году. Ответ других стран Европы не заставил себя долго ждать, а каждое новое решение вело к легко предсказуемой реакции уступающей стороны. Гонка вооружений стала воспроизводить саму себя. Накануне Первой мировой войны Крупп по заказу германского военного ведомства разработал уникальные 42-тонные осадные орудия *M-Gerat*, способные разрушить казавшуюся неприступной бельгийскую крепость Льеж, которую тот же Крупп параллельно помогал усовершенствовать. Если мировую войну удалось бы отсрочить, то не исключено, что Крупп снабдил бы бельгийскую крепость защитой от новой осадной артиллерии. Получался порочный круг, из которого современники видели разные выходы.

Изобретатель динамита Альфред Нобель, будучи противником войн, считал, что люди будут и дальше придумывать орудия собственного уничтожения. До тех пор, пока очередное их изобретение не станет угрозой для существования всего человечества. «Я бы хотел создать машину или вещество такой разрушительной силы, — признавался он, — чтобы угроза всеобщего уничтожения сделала войны абсолютно невозможными»²⁸. Это было мнение интеллектуала-одиночки, хорошо понимавшего, куда ведет его изобретения.

По сути, Нобель стал предшественником ученых-ядерщиков двадцатого столетия, вначале создавших именно такое оружие, о котором он говорил, а затем организовавших Пагуошское движение. Как и физики-ядерщики столетием позже, Нобель производил динамит и одновременно помогал движению пацифистов, финансируя его деятельность.

Гораздо больше приверженцев имели различные теории и взгляды, оправдывавшие войну. Широкое распространение в XIX веке получили разные формы воззрений так называемых социал-дарвинистов. Их объединяло то, что биологическую теорию Ч. Дарвина о естественном отборе они перенесли в социальную среду. «Выживет сильнейший», — провозгласил англичанин Герберт Спенсер, и этот лозунг нашел отклик у многих его современников. Особую популярность такие идеи получили в Германии. «Без войны не могло существовать ни одно государство, — утверждал на рубеже веков немецкий политик и историк Генрих фон Трейчке. — Все известные нам государства возникли из войн, и защита своих граждан военной силой остается их первоочередной и насущной задачей»²⁹. Еще более откровенно высказывался германский генерал и по совместительству военный сочинитель Фридрих фон Бернгарди, книги которого пользовались большой популярностью накануне Первой мировой войны. «Война является важнейшей биологической необходимостью, — писал он, — регулирующим элементом в жизни человечества, без которого нельзя обойтись, поскольку иначе последует нездоровое развитие, которое исключит любое движение вперед расы, а следовательно, всех настоящих цивилизаций. “Война — это мать всех вещей”, — говорил Гераклит задолго до того, как это понял Дарвин»³⁰.

Несколько особняком стояли теории Фридриха Ницше, бывшего очень популярным, особенно в Германии, в конце XIX века. В отличие от большинства философских произведений прошлого лучшие сочинения Ницше написаны очень ярким и образным языком, что делало и продолжает делать его труды широко читаемыми. Человечество погрязло в разных пороках и вырождается, считал еще не выживший на тот момент из ума философ, и ему требуется встряска. Поэтому «вялое» европейское общество «нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне», чтобы через возврат к варварству обрести новую культуру и жизнь³¹.

В эпоху повального увлечения оккультизмом и парапсихологией идеи Ницше о сверхчеловеке и войне как способе обретения самого себя имели массу приверженцев.

На противоположном полюсе находились взгляды, считавшие войну в начале XX века невозможной. Наверное, самым ярким и популярным выразителем таких идей был российский банкир и промышленник польско-еврейского происхождения Ян Блох (Иван Станиславович Блюх). Его шеститомное исследование «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», увидевшее свет в 1898 году, пыталось доказать, что война в современном мире возможна только ценой самоубийства. Для Блоха было очевидным, что войну можно будет избежать, и государства, наконец, поймут, что «продолжающиеся приготовления к войне будут поглощать все большую и большую часть народных доходов, создавая между тем лишь нечто такое, что через короткое время должно идти в лом, сменяясь новым, еще более дорогим обзаведением». В то время как «сношения между народами делаются все более близкими и тесными, и взаимная их зависимость, а стало быть, и солидарность в каких-либо крупных потрясениях возрастают»³². Книга Блоха была переведена на многие языки и стала европейским бестселлером. Существуют сомнения в том, что Блох написал свою книгу сам. По крайней мере, С. Ю. Витте, который хорошо его знал, утверждает, что Блох под своей фамилией издавал то, что ему писали другие³³. В любом случае книга оказалась пророческой. Блох писал, что будущая война, если она возникнет, будет длительной и позиционной, приведет к обнищанию воюющих государств, огромным ресурсным затратам, людским и материальным потерям, а кончится социальной революцией.

Трудно сказать, насколько исследование Блоха оказало реальное воздействие на образ мыслей правителей того времени, но с его выводами были знакомы политики многих европейских стран, а Николай II даже встретился с автором лично. По всей видимости, в душу царя запали вопросы, которые задавал Блох, — «куда ведут эти вооружения и это истощение, какова была бы в будущем война, возможно ли даже ныне прибегать к ней для решения споров и мыслимо ли разрешение международных вопросов посредством настоящего катаклизма, каким представилась бы при современных

средствах истребления война между пятью великими державами с десятком миллионов солдат?»³⁴. Не без влияния аргументов и доводов, приводимых Блохом, ровно через год после выхода его фундаментального исследования Николай II инициировал созыв первой в истории международной конференции по разоружению.

В течение второй половины XIX века великие державы накопили огромные арсеналы современного оружия. Но воевать между собой они не собирались. Тем более в Европе. Оружие требовалось для устрашения или сдерживания вероятных противников. Конечно, риск начала войны всегда существовал, но великие державы считали его контролируемым. Созданный Венским конгрессом механизм разрешения споров надежно защищал, по их мнению, Европу от несанкционированного начала боевых действий. После Берлинского конгресса 1878 года этот европейский механизм упрочился еще больше, и великие державы зорко следили за тем, чтобы достигнутое равновесие не было нарушено. Периодически возникавшие конфликтные ситуации контролировались ими двумя традиционными способами — личными взаимоотношениями между монархами и дипломатией. К концу XIX столетия оба этих традиционных метода приобрели новое звучание, что, казалось, давало Европе дополнительные гарантии против возникновения войны.

В 1837 году английской королевой стала восемнадцатилетняя Виктория. Этому, на первый взгляд, рядовому событию суждено было оставить заметный след в истории. Английские монархи давно уже не играли главенствующей роли в политике собственного государства. Учитывая печальный опыт трех предшествовавших правлений, мало кто ожидал от молодой и неопытной женщины каких-то серьезных успехов на новом поприще. Но шестидесяти-трехлетнее правление Виктории до неузнаваемости изменило и ее страну, и окружающий мир. Конечно, больших заслуг самой королевы в этом не было, и она стала прежде всего символом, а не творцом той эпохи, которая получила ее имя. Но одним достижением мир обязан был именно ей. К концу жизни Викторию называли «бабушкой Европы». У нее было девять детей, которые сами и через своих детей породнились практически со всеми правящими домами Европы. В конце XIX века, т. е. еще при жизни королевы, ее прямые потомки правили в Германии (Вильгельм II, внук), России

(супруга Николая II императрица Александра Федоровна, внучка), Гессене (великий герцог Эрнст Людвиг, внук), Кобурге (герцог Саксен-Кобург-Готский Альфред, сын). Уже после того, как Виктории не стало, ее потомки взойшли на престолы Норвегии (королева Мод, внучка, 1905), Испании (королева Виктория-Евгения, внучка, 1906), Греции (королева София, внучка, 1913), Румынии (королева Мария, внучка, 1914). После смерти Виктории ее старшего сына и наследника, английского короля Эдуарда VII стали называть «дядей Европы».

Близким родством с правящими европейскими домами могла похвастаться и датская королевская семья Глюксбургов. Старшая дочь Кристиана IX Александра была замужем за сыном Виктории Эдуардом VII, а младшая дочь Дагмара (в православной традиции — Мария Федоровна) — за российским императором Александром III. Датского короля поэтому часто называли «тестем Европы». Его сын в течение пятидесяти лет был королем Греции (до 1913 года). В Копенгагене у тестя и дедушки часто гостили Эдуард VII, Александр III и Николай II. Учитывая непростые отношения между Англией и Россией, Кристиан IX ввел у себя дома железное правило — во Фреденсборге на встречах родственников запрещалось говорить о политике³⁵. Еще один королевский дом — Бельгии — происходил из Саксен-Кобург-Готской династии и был связан близким родством как с Викторией и ее мужем Альбертом (он был из этой же династии), так и с прусско-германскими Гогенцоллернами. Саксен-Кобург-Готы находились в родстве и с австрийскими Габсбургами.

Такого тесного родственного переплетения монарших семей не было даже во времена процветания Бурбонов и Габсбургов, считавшихся большими поборниками династических союзов. По сути, если рассматривать правящие дома Европы накануне Первой мировой войны с обычной человеческой точки зрения, то можно сказать, что континентом управляла одна семья. Из сферы ее влияния выпадали лишь республиканская Франция, Австро-Венгрия престарелого Франца Иосифа и Италия, где молодая королевская власть была сильно ограничена. После смерти в 1901 году королевы Виктории, главой «семьи» стал Эдуард VII (его первое имя было Альберт, и близкие родственники звали его Берти). Вильгельм II приходился ему родным племянником, а императрица Александра Федоровна